

Он думал, что всё дело в том, что Сун Цзывэнь был любимым человеком Цзянь Чжи, а потому он, глядя на Сун Цзывэнь, не мог испытывать никаких иных чувств, кроме как стремления выплеснуть плотские желания.

Каждый раз, находясь с Сун Цзывэнь, он словно надевал маску и играл чужую роль, но в душе оставался до жуткого трезвомысленным, и после каждого раза опустошение ощущалось всё острее.

Это была пустота в сердце. Телесно же он чувствовал, что Сун Цзывэнь подходил ему идеально — пожалуй, даже лучше, чем кто-либо из тех, с кем ему доводилось сблизиться раньше. Но, к сожалению, тот всё же был не Цзянь Чжи.

В те несколько месяцев, что последовали за той безумной ночью с Сун Цзывэнь, он, словно помешанный, повсюду скупал всевозможных юношей и девушек и селил их в задних дворах Поместья канцлера.

То был самый распутный период в его жизни, который можно было назвать непрекращающимися ночными гуляньями.

Если вести об этом доходили обратно, те домашние, должно быть, безумно радовались: он, всегда отличавшийся строгостью к себе и блюдший чистоту, вдруг пустился во все тяжкие любовных утех.

Впрочем, это не имело значения. Лишь бы избавиться от пагубного пристрастия к Цзянь Чжи, а все эти мирские мелочи — когда он добьется великой цели, они станут лишь невинными любовными похождениями.

Но... ни от одного из тех людей, будь то мужчина или женщина, он не мог получить желаемого. Не то чтобы он никогда не помышлял о том, чтобы заявиться прямо в Поместье Цзянь Чжи и взять Цзянь Чжи силой.

Он действительно однажды среди ночи пробирался в покои Цзянь Чжи, но в конце концов так и не решился на это — всё же ему было жаль его.

В то время он еще не был уверен, действительно ли готов ради Цзянь Чжи отказаться от того, что само шло ему в руки, поэтому, колеблясь и сомневаясь, он так и не осмелился тронуть его и сделать своей собственностью.

Хоть ему и не хотелось этого признавать, но где-то на подсознательном уровне он уже тогда понимал: Цзянь Чжи не похож на остальных.

Разве что он сам захочет отказаться от всего, что сейчас планировал, и добровольно согласится оказаться под кем-то.

Но мог ли он согласиться на это по доброй воле?

Конечно же, нет. Он столько лет боролся, задействовал столько средств, и даже если бы он сам отступился, как те его братья, что текли с ним от одной крови, позволили бы ему так просто уйти?

Однако, если он хотел заполучить Цзянь Чжи, его императорский отец никогда бы не признал наследником престола того, у кого не было потомства.

Цзянь Чжи... поистине был испытанием, уготованным ему самой судьбой.

— Цзэжань, ты говоришь так просто, а от содержания этих докладов у меня голова болит. Не поможешь ли ты мне с ними разобраться? — раздался у самого уха капризный голос Сун Цзывэня, возвращая Шэнь Цинсюаня из далёких воспоминаний.

Тот на мгновение замер, приняв человека в своих объятиях за Цзянь Чжи, и чуть было не сорвался на имя Сичжи.

Когда же образ перед глазами постепенно прояснился, Шэнь Цинсюань наконец заговорил:

— Яньсю, эти доклады я уже отобрал из тех, что просмотрел сам, здесь только то, что требует твоего личного решения.

— Цзэжань, раз уж даже я принадлежу тебе, неужели ты не можешь взять эти дела на себя? — Сун Цзывэнь развернулся и уселся верхом на коленях Шэнь Цинсюаня, всем телом прильнув к нему. Он выглядел кротким и очаровательным — он действительно безумно любил Шэнь Цинсюаня и был готов каждую секунду висеть у него на шее.

Увидев это, Шэнь Цинсюань подсознательно нахмурился и произнес:

— Яньсю, если я стану подписывать всё за тебя, боюсь, это вызовет ненужные хлопоты.

Услышав слова Шэнь Цинсюаня, Сун Цзывэнь слегка помрачнел в лице: лишь бы его дорогой Цзэжань был доволен, а те чиновники и впрямь чересчур праздны, раз норовят сунуть нос в каждое дело.

— Я... завтра же издам указ...

— Яньсю, не глупи, я просто просмотрю и подпишу их все за тебя! — притворившись колеблющимся, Шэнь Цинсюань снова заговорил, но во взгляде, устремленном на сидящего у него на коленях мужчину, читалось сплошное баловство. Иногда он думал: как было бы хорошо, если бы его сердцем завладел Сун Цзывэнь. Тогда он мог бы без всяких терзаний совести

забрать его к себе, поселить в собственных покоях, и даже если в будущем ему пришлось бы жениться на другой женщине, он не почувствовал бы ни малейшей вины.

Но... если речь шла о Цзянь Чжи, он просто не мог заставить себя превратить его в тень, что прячется за его спиной и не смеет показаться на свет. А те чистые, красивые глаза — он тем более не хотел бы увидеть в них тень горькой обиды.

Его Сичжи...

— Если бы в тот день престол занял не я, сейчас я мог бы вместе с Цзэжанем путешествовать повсюду, а не сидеть взаперти в этих четырех стенах Императорского дворца, — с надутыми губами и неподдельным сожалением пробормотал Сун Цзывэнь.

— Я не люблю все эти дела, а наследный принц еще слишком мал. Почему бы тебе, Цзэжань, не взять это на себя? В конце концов, ты и я — одно целое, я верю тебе. — Сун Цзывэнь внезапно протянул руку, притянул к себе Шэнь Цинсюаня и заглянул ему прямо в глаза. Их губы оказались так близко, что еще чуть-чуть — и они бы соприкоснулись.

Шэнь Цинсюань смотрел на Сун Цзывэня, который глядел на него с невинным видом. И хотя черты этого лица были поистине прекрасны и несравненны, сердце Шэнь Цинсюаня не сделало ни единого лишнего удара при виде этого манящего, близкого лица.

На душе царил абсолютный штиль — он не любил его.

Все, что связывало их вместе, делалось лишь ради иных целей.

Если бы не та безумная ночь, он думал, что никогда не зашел бы с Сун Цзывэнем так далеко, но теперь положение было сродни езде на тигре, с которого нельзя слезть.

Тогда, глядя на Сун Цзывэня, которого он сам же и покрыл сплошными синяками и ранами, Шэнь Цинсюань заметил, что, очнувшись, тот первым делом одарил его застенчивой улыбкой, полной нежности. В тот миг он понял: тот любит его, раз даже обладая высочайшим достоинством монарха, он унизил себя и преклонился под ним.

Позволил истоптать себя так жестоко, словно женщину, всю ночь напролет.

В те дни он сам был в растерянности и выбрал неверный путь. Он думал, что если будет нарочно отгонять мысли о Цзянь Чжи, то сможет постепенно отпустить его.

Быть может, в будущем, помня о преданной любви Сун Цзывэня, он оставит его подле себя.

Станет относиться к нему лучше, чем к остальным.

Однако прошли три года, и они заставили его понять: Цзянь Чжи значил для него куда больше, чем тот самый трон. Он осознал, что по сравнению с Цзянь Чжи верховная власть внезапно утратила для него былую важность.

Если бы представилась возможность, он, кажется, был готов отказаться от всего, что само шло ему в руки, ради Цзянь Чжи.

Но он нажил слишком много врагов, и пока он не мог вывести Цзянь Чжи на чистую воду. Когда в его руках окажется больше власти, а положение станет прочнее — настолько, чтобы он мог гарантировать, что Цзянь Чжи не станет мишенью для тех, кто желает навредить ему, — тогда он непременно устроит для Цзянь Чжи пышную, ослепительную свадьбу и возьмет его в жены.

Еще не бывало в Поднебесной, чтобы мужчина брал в жены другого мужчину, так почему бы ему не стать первым?

При мысли о том, как Цзянь Чжи в праздничных красных одеждах станет его законным супругом, уголки губ Шэнь Цинсюаня невольно тронула легкая улыбка.

— Чему ты радуешься? — нежный, мягкий голос раздался совсем близко, у самого уха, и Шэнь Цинсюань опомнился: рядом с ним находился вовсе не Цзянь Чжи.

— Я рад, что ты так мне доверяешь, — не меняя выражения лица, Шэнь Цинсюань посмотрел на Сун Цзывэня, и в его тихо произнесенных словах отчетливо сквозила двусмысленность.

— Впрочем, если об этом узнает Цзянь-шилан, боюсь, доносов на меня станет еще больше.

Раз уж возможность сама плыла в руки, он, разумеется, не собирался от нее отказываться.

Самое позднее через год Наньнин должен пасть перед Бэйцаном.

Ради Цзянь Чжи он больше не желал ждать.

Из тех людей в Бэйцане он выберет кого-нибудь, кому преподнесет верность на блюде — думается, они все будут не против заполнить в свои руки столь острое лезвие.

<http://bllate.org/book/21029/2138047>